

ОБЩАЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА И НОРМА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Состав лексических средств выражения общей положительной оценки в XVII–XVIII вв. претерпел серьезные изменения. Произошло это прежде всего благодаря сдвигу в соотношении семантики лексических единиц, представляющих общую положительную оценку, и нормы: обобщенную положительную маркировку получило небольшое отступление от нормы, и прежде всего превышение нормы (отличность от подобного, исключительность).

Семантическое пространство оценочных значений, структурируемое с помощью определенных лексических средств, представляет собой реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире, в котором сконцентрирован национально-культурный опыт языковой общности, в частности отражающий динамику взаимодействия критерия общей оценки и нормы. Анализ системных и межсистемных лексико-семантических связей, историко-этимологическое рассмотрение лексических средств выражения общей положительной оценки на уровне праславянского и древнерусского языка в контексте ареальной историко-культурной ситуации показывают определенные семантические модели (и стоящие за ними культурные схемы), унаследованные древнерусским сознанием из славянской истории [1. С. 27–117]. Это следующие модели выражения общей положительной оценки:

1) *(синкретичная) утилитарно-нормативная//эстетическая оценка* → *общая оценка* в вариантах а) ‘соответствующий (норме)/подходящий (по своим качествам)’ обобщается как ‘соответствующий/подходящий’ ~ ‘правильный, подобающий’ → ‘хороший’//‘красивый’ (собственно славянская модель для *добый, добрый* и региональная славяно-германская модель для *годный, гожий*), б) ‘прилипающий, льнущий’ → ‘соответствующий/подходящий’ ~ ‘правильный, подобающий’ → ‘хороший’//‘красивый’ (собственно славянская модель, реализованная в *лепый*) и в) ‘упорядоченный//красивый’ ~ ‘правильный, подобающий’ → ‘хороший’ (*ладный*, представленное в восточно- и западнославянских языках);

2) *эстетическая оценка* → *общая оценка* в вариантах а) (*‘мазанный/*выделенный цветом’ → ‘украшенный/красивый’ → ‘хороший’ (*лепый*; ареал южнославянских и древнерусского языков), б) (*‘пестрый/цветной’ → ‘красивый’ → ‘хороший’ (*красный*; ареал преимущественно древнерусского языка);

3) *сенсорно-вкусовая оценка* → *общая оценка* (модель, усвоенная южнославянскими языками из субстрата ?): ‘сладкий’ → ‘приятный’ → ‘хороший’ (*благодй*);

4) *общая оценка* → *общая оценка* (модель, возникшая в результате заимствования лексики с общеоценочным значением из иранского субстрата: хо-

роший с первоначальным ареалом распространения в восточной части древнерусского).

Комплексный диахронический анализ показал, что семантическая эволюция в хронологически старшем слое рассматриваемой лексической группы может быть представлена в виде схемы: ‘соответствующий (норме)/подходящий, годный (по своим качествам)’ → ‘правильный, подобающий // красивый’ → ‘хороший’, где ‘красивый’ есть семантический компонент синкретичного правового и морально-этического определения с положительной коннотацией (типа с.-хорв. *godan* ‘годный’, ‘способный’ и ‘приятный, угодный’, ‘красивый’). На другом этапе славянской истории, связанном с расселением на евроазиатских территориях, с вхождением в зону влияния византийской культуры, с ассимиляцией иранского субстрата, продолжающееся формирование лексических средств выражения общей оценки демонстрирует как следование принятому культурному сценарию в случае с ‘упорядоченный//красивый’ (*ладный*) → ‘приличествующий, хороший’, так и иные ориентации, связанные с возрастанием значимости эстетической оценки. Так, например, *лeный*, исходно известное как ‘прилипающий, льнущий’ и ‘соответствующий, подходящий’, дополняется линией семантического развития ‘мазанный/*выделенный цветом, украшенный/красивый’ → ‘подобающий’ и ‘хороший’; известное восточно-, западнославянским языкам лексическое средство выражения общей положительной оценки *ладный*, первоначально ‘упорядоченный//красивый’, употребляется в значении ‘приличествующий, хороший’, где уже исходная эстетическая оценка сопровождается морально-этической и общей оценкой, и *красный* развивает значение ‘хороший’ из ‘*цветной/красивый’.

Представленная группа лексических экспликаторов значения общей оценки, чрезвычайно важная в идеологическом отношении, показывает, с одной стороны, этапы становления самостоятельной эстетической оценки, ее взаимодействие с общей оценкой, а с другой – соотносительность общей положительной оценки с нормой в прагматической и эстетической сфере.

Какие изменения происходят в соотношении понятий общей положительной оценки и нормы в более позднее время, в старорусский период, и как это отразилось на составе лексической группы, ее представляющей?

В Новое время в составе лексики, представляющей общую положительную оценку, произошли важные перемены. Исследование показало, что подгруппа лексики, выражающей общую положительную оценку равно норме, изменилась незначительно: ряд *хороший, добрый, благой, ладный, погожий, порядный* и сохранившееся в устойчивых словосочетаниях *красный* дополнен прилагательными *славный, правильный, путный* [2. С. 11–13; 3. С. 188]. В текстах XI–XVII вв. *славный* известно в значении, продолжающем семантику производящего слова – ‘достойный славы, прославленный, почитаемый’, где сочетаются дескриптивная часть и частная оценка, далее эта частная оценка становится основанием для формирования у данного слова значения общей положительной оценки – ‘великолепный, чудесный, прекрасный’. Зыбкость границ между значениями прилагательного *славный* видна, например, в таком выражении, отмеченном в тексте XVII в.:

Славень бубень за горами ‘представляется хорошим только то, что далеко’ [4. Вып. 25. С. 58–60]. Прилагательное *правильный* первоначально также употребляется лишь в конкретном значении ‘основанный на правилах, церковных канонах’; ‘законный, имеющий законную силу’ (*правильною виною* ‘по делу, касающемуся нарушения церковных правил’). Известно и существительное *правильный*, обозначающее лицо, прислуживающее при богослужении, причетчика [4. Вып. 18. С. 108]. *Путный* в текстах XI–XVII вв. во всех значениях связано с семантикой пути, дороги. Но объясняют появление положительной оценки у прилагательного некоторые значения производящего *путь*, такие, как ‘способ, средство; меры, которые можно или следует принять’, ‘порядок, правило’, ‘доходы, имущественный и социальный ранг’, ‘территория или отрасль дворцового хозяйства, которая давалась в кормление (в управление или в ведение с правом получения доходов с соответствующих мест или групп населения)’, ср. *конюший путь*, *ловчий путь*, *сокольничий путь* и т.п. – ведомства в составе дворцового хозяйства; *старѣйший путь* – доля старшего князя во владениях и доходах; *путный бояринъ*, *путный ключникъ*, *путный чарочникъ*. В текстах XVII в. отмечены наречия *путемъ* ‘надлежащим образом, по установленному порядку’ и *путно* ‘хорошенько, как следует’ [4. Вып. 21. С. 63–68; 7. Вып. 17. С. 147].

В лексическую подгруппу, выражающую обобщенную положительную оценку того, что представляется меньшим нормы, небольшую по составу (что, видимо, обусловлено степенью актуальности этого типа оценки), представленную прилагательными *приличный*, *недурной*, вошли в XVIII–XIX вв. лексемы *порядочный*, *неплохой* (хотя *порядный* в значении ‘подходящий, приличный’ встречается в текстах с XIV в.).

Больше всего перемен произошло в группе лексики, обозначающей общую положительную оценку того, что представляется большим по сравнению с нормой: эта группа фактически сформировалась в XVII–XVIII и XIX вв. – *отличный*, *прекрасный*, *замечательный*, *превосходный*, *чудесный*, *чудный*, *великолепный*, *отменный*, *бесподобный*, *исключительный*, *необыкновенный*, *настоящий*, *блестящий*, *классический*. Активные изменения в данном фрагменте лексики есть результат явно изменившегося понимания нормы. Понятие нормы содержательно стало шире, как нечто допустимое, приемлемое, но необязательно как то, чему необходимо следовать, исчезает строгая предписательность, нарушается ее деонтический характер. В результате обобщенную положительную маркировку получило небольшое отступление от нормы, и прежде всего превышение нормы (отличность от подобного, исключительность). Из всей этой группы только прилагательное *прекрасный*, образованное от *красный* ‘красивый’ и ‘хороший’, уже в древнерусский период выражало общую положительную оценку случаев превышения нормы – ‘очень красивый’, ‘очень хороший’, ‘превосходный’, ‘дивный, чудесный’, ‘в высшей степени чистый’ (1125 г.: *Церковь воздвиже прекрасну на Лтѣ, каменем составлену*. XIII–XIV вв.~XI в.: *От корене злаго прозябе плодь прекрасень*. 1096 г.:...*божие прѣкрасное порожение*) [4. Вып. 18. С. 252].

Ушедшее из активного запаса литературного языка *лепый* также сохранилось лишь в составе производного *великолепный*, известного уже из памятни-

ков XIII–XIV вв., но в значениях ‘пышный, торжественный, величественный’ и ‘щедрый’. *Настоящий* в ранних текстах употребляется в значениях ‘нынешний, теперешний, находящийся здесь’ и только с XVII в. отмечается в значениях ‘подлинный, тот самый; настоящий, надлежащий’ и ‘главный’ (1698 г.: *Почтовые письма возить безо всякого одержания, вскорости, чрез настоящие мѣста, которыми до Волуйки ближе и способнѣе и от неприятелскихъ людей безстрастнѣя*). Лишь прилагательное *отмѣнный* в текстах этого времени выступает в общеоценочной функции, обозначая ‘очень хороший, отличный, превосходный’ (1689 г.: *Пожаловали они великие государи того полку стрѣльцовъ за ту ихъ радѣтельную и отмѣнную вышепомянутую службу*) [4. Вып. 2. С. 66; Вып. 10. С. 270–271; Вып. 13. С. 270]. Остальные прилагательные рассматриваемой подгруппы до XVIII в. не встречаются. Это имеет свое историко-культурное обоснование: именно с нового времени, с петровских времен превышение нормы как отличное от окружающего, нерядовое, заметное-замечательное стало получать высокую положительную оценку.

В это время впервые в русской литературе человек начинает рассматриваться через призму его индивидуальных особенностей, его идеалов, и именно художественная литература (и в первую очередь поэзия) эпохи предромантизма и сентиментализма наиболее ярко отражает эту знаменательную перемену. Обращение к поэтическим темам требовало новой стилистики, новых языковых, в том числе лексических, средств, среди которых на одно из первых мест закономерно выдвинулись эмоционально-оценочные прилагательные. Интересно, что в русском литературном языке XVIII в. прилагательное *прекрасный*, образованное от *красный* в значении общей положительной оценки и с древнерусского периода представлявшее общую оценку, соотношенную с превышением нормы, стало доминантой трех синонимических рядов [5. С. 154–157].

Лексемы-прилагательные первого ряда выступают как средство оценки внешних качеств человека и объектов реальной действительности: *прекрасный – прелестный, великолепный, красный, несравненный, изрядный, чудный, дивный, очаровательный*. Лексемы второго ряда способны выражать положительные сущностные свойства человека и окружающих его явлений действительности: *прекрасный – божественный, небесный, священный, великий, изящный, бесподобный, беспримерный, бесприкладный* и др. Третий ряд составляют лексические средства обозначения положительной оценки одновременно внешних и внутренних свойств человека и объектов реальной действительности: *прекрасный – красный, величественный, приятный, любезный, нежный; светлый, блистательный, блестящий* и др. Семантические компоненты доминанты *прекрасный* (‘очень красивый’, ‘прекрасный’, ‘удивительный’, ‘выделяющийся, отличающийся от себе подобных положительным качеством’) определяют диапазон и направление развития семантики лексем, входящих в данную лексико-семантическую парадигму.

Особенно интересен лексический ряд, называющий положительные сущностные свойства человека и окружающих его явлений действительности,

в который вошли лексемы с негативирующей префиксацией, например *без-* с привативным значением в *бесподобный*. Ранее, в древнерусском, *подобный* – это не только ‘похожий, на кого-л., что-л.’, ‘такой же’, ‘равный по величине, размеру’, но и ‘подходящий, удобный, благоприятный’ («...ожидаючи милости отъ бога и подобная вѣтрила противу бури и волнамъ морскимъ направляющи»), синоним к *достойный* («...подобна еси царствовати в городѣ семь с нами») [4. Вып. 16. С. 22–23]. Естественно полагать, что специальное лексическое выражение получает отсутствие или недостаток не любого, а лишь весьма значимого объекта или качества, поэтому производные с привативной семантикой образованы от имен, соотносящихся с атрибутами (и объектами), игравшими в древнерусской культуре и картине мира заметную роль. То есть положительно оценивалось соответствие образцу, норме (то же самое видим в *при-мерный, при-кладный*). Выражение положительной оценки сущностных свойств человека через прилагательные *бесподобный, беспримерный, бесприкладный* показывает изменения, произошедшие в шкале ценностей наследников этнокультурной традиции восточных славян.

Новое время пишет новый «сценарий» для общей (объективной и субъективной) оценки. А.Ф. Журавлев, рассматривая формирование славянского именика, отмечает по поводу способа моделирования аксиологии с помощью префикса привативной семантики: «Если в области ономастики ценностные установки, характерные для данной культуры, сознательно подчеркиваются носителем языка и имятворцем и таким образом находят выражение в актах саморефлексии культуры, т. е. являются своеобразным высказыванием культуры о самой себе, то в апеллятивном маркировании составляющих аксиологического круга при помощи языковых элементов с привативной семантикой мы сталкиваемся с нефокусированностью оценки, то есть скорее с бессознательной и нецеленаправленной группировкой, доступной восприятию лишь при метаязыковом заострении взгляда» [6. С. 13].

Литература

1. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.
2. Соколовская Ж.П. Синонимические связи имен прилагательных со значением обобщенной положительной качественной оценки (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1970.
3. Лифшиц Г.М. Виды многозначности в современном русском языке: На материале оценочных имен прилагательных. М.: МАКС Пресс, 2001.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2000. Вып. 1–26.
5. Остапенко А.А. Функционирование эмоционально-оценочной лексики с интегральным компонентом «прекрасный» в русском литературном языке XVIII века (на материале художественных текстов). Калининград, 2002.
6. Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики: Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 7–32.